

то время как Раскольников *набивает себе цену*; и уж совсем немислимы в устах Родиона Романыча слова Базарова о том, что «надо уметь отдаться» (8, 294), — это сказано в разговоре с Одинцовой, но несомненно шире сугубо личного, здесь подразумевается и общественное служение.

Он по-настоящему великодушный человек, которому дано то, к чему князь Мышкин тщетно призывает Ипполита: он умеет *прощать* чужое счастье. Когда Анна Сергеевна, смущенная неожиданным поворотом в отношениях Кати с Аркадием, которого числила своим поклонником, просит у него совета, он предлагает естественный и человеческий вариант: «...я полагаю, следует благословить молодых людей» (8, 379), — хотя понимает, что это означает для него потерю друга. В свою очередь, он и сам благословит Анну Сергеевну, когда она боязливо приблизится к нему, умирающему: «Великодушная! — шепнул он. — Ох, как близко, и какая молодая, свежая, чистая... в этой гадкой комнате!.. Ну, прощайте! Живите долго, это лучше всего, и пользуйтесь, пока время» (8, 395—396).

Даже во взаимоотношениях со своим идеологическим противником Базаров, в сущности, тоже человечен и великодушен. Непримирымый в спорах на темы общественно-политические, он обнаруживает способность принять и признать право другого человека на инакость. В ответ на реплику Павла Петровича: «Впрочем, мы друг друга понять не можем; я, по крайней мере, не имею чести вас понимать», Базаров в очередной раз демонстрирует скрытую за иронией широту воззрений: «Еще бы! <...> Человек всё в состоянии понять — и как трепещет эфир, и что на солнце происходит; а как другой человек может иначе сморкаться, чем он сам сморкается, этого он понять не в состоянии» (8, 340). И уж совсем он не готов истреблять своего оппонента физически. Он единственный догадывается об истинной причине сделанного ему вызова; не имея возможности ответить отказом, пытается спустить на тормозах, сгладить шутками остроту дуэльного противостояния; стреляет не целясь и ранит совершенно случайно, хотя *художественно* закономерно; он ухаживает за раненым по собственной вине, «нарвавшись» Павлом Петровичем и, «весь желтый и злой» (8, 356), очень переживает всю эту историю, по привычке пряча свои чувства за прощальной мысленной грубостью по адресу Кирсановых: «Барчуки проклятые» (8, 358).

По-разному относясь к людям, с которыми сводит его жизнь, Базаров видит и воспринимает их такими, какие они есть, не встраивая их в удобную для себя схему. Примечателен в этом смысле авторский комментарий к последуэльным ощущениям противников: «Молчание длилось, тяжелое и неловкое. Обоим было нехорошо. Каждый из них сознавал, что другой его понимает» (8, 354). Дар понимания — великий дар.

Раскольников же понимает только то, что касается или волнует его лично, смотрит на людей исключительно сквозь призму собственной идеи и оценивает их с точки зрения способности или неспособности подпасть под ее воздействие или стать для него *исходом*. В частности, и потому роятся вокруг него двойники, что он ищет в людях только самого себя, *преступное* сходство с собой. И к Соне он приходит потому, что «тоже переступила... смогла переступить» (6, 252), он это еще *до* их знакомства и *до* преступления понял, тогда ее и *выбрал*, тогда и решил, что именно ей все расскажет. И для рассказа выбирает подходящий момент — когда она, загнанная в угол оговором Лужина, едва не погибла окончательно, всем своим существом почувствовав, пережив близящуюся гибель. В этой сцене, где Соня — безвинная и беззащитная жертва, есть два охотника: один — это, разумеется, мерзавец Лужин, которому нужно растоптать ее, чтобы доказать Пульхерии Александровне и Дуне свою правоту; другой — сам Родион Романыч Рас-